

Юлия Сафронова

Читательский дневник «настоящего человека»:

ПРАКТИКИ ЧТЕНИЯ ПОКОЛЕНИЯ 1870-х ГОДОВ

Julia Safronova

A Reading Journal of a "Real Person": The Reading Practices of the 1870s Generation

Юлия Сафронова (Европейский университет в Санкт-Петербурге, доцент; кандидат исторических наук) jsafronova@eu.spb.ru.

Julia Safronova (PhD; Associate Professor, European University at St. Petersburg) jsafronova@eu.spb.ru.

Ключевые слова: история чтения, практики чтения, революционное народничество, политический протест, дневник, радикальная молодежь, самовоспитание

Key words: history of reading, reading practices, revolutionary populism, political protest, diary, radical youth, self-development

УДК: 94(470)

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_58

UDC: 94(470)

DOI: 10.53953/08696365_2022_177_5_58

Статья посвящена практикам чтения представителей поколения 1870-х годов, анализируемым в связи с характерными для второй половины XIX века типами целенаправленного чтения и письма: религиозным и научным, которые сближала интенсивная работа читателя над собой. Рассматривается читательский дневник участницы народнического движения А.Я. Юшиной за 1875—1876 годы. Занимаясь саморазвитием, читательница опиралась на неписанные нормы интерпретирующего сообщества, включавшие как представления об обязательном круге чтения, так и правила ведения читательского дневника. Свой тип записей она противопоставляла школьным практикам сочинения по образцам. Идеалом, напротив, была полная самостоятельность в осмыслении и описании прочитанного. Поставленная задача, однако, оказалась ей не по силам. Признания в неспособности понять тот или иной текст соседствуют в дневнике с тоской по авторитету или учителю.

This article examines the reading practices of the 1870s generation, which are analyzed with regard to types of goal-oriented reading and writing typical for the second half of the 19th century types: religious and scientific, which have in common the reader's intense work on themselves. The author analyzes a reading diary from 1875—1876 by Apollinaria Yushina, who was a participant in the populist movement. Engaged in self-development, the reader followed the unwritten rules of the interpretive community, which included ideas about mandatory reading and guidelines for keeping a reading journal. Yushina contrasted her own type of writing to the school practice of writing based on examples. The ideal, in contrast, was complete independence in comprehension and description of what was read. The task, however, turned out to be beyond her capacity. The journal includes confessions of the inability to understand text and yearning for authority or a teacher.

Историки активно используют свидетельства читателей в качестве одного из основных источников для изучения практик чтения [Baggerman 1997: 129—130]. Взаимодействие с текстом порождает разные типы письма — выписки цитат, маргиналии и дневниковые записи, хотя только про первые можно с уверенностью утверждать, что они синхронны процессу чтения. Почему вообще читатель считает необходимым письменно фиксировать свой опыт, соединяя чтение с письмом? Анализируя тетради для выписки цитат (common-place book) раннего Нового времени, Роберт Дарнтон писал: «Чтение и письмо, таким образом, были неразделяемыми видами деятельности. <...> ...сохраняя

отчет о вашем чтении, вы присваиваете книгу, ставя на нее печать вашей личности» [Darnton 2009: 150].

Исследователи тетрадей для выписки цитат связывают расцвет этого жанра с просветительской идеей воспитания себя, а закат — с радикальным удешевлением книгопечатания в середине XIX века, превратившим книгу из предмета роскоши в часть повседневности [Allan 2010: 256]. Хизер Джексон приводит аналогичную дату в качестве водораздела в истории маргиналий: возникновение публичных библиотек привело к прямому запрету на любые пометки в книгах [Jackson 2001: 44—80]. Разумеется, обе практики не исчезают полностью, но преимущество в таких условиях получает дневник чтения, объединяющий возможность делать выписки и вступать в диалог с текстом, не затрагивая его физический носитель — книгу.

Время появления массового читателя редко привлекает исследователей индивидуального чтения, предпочитающих изучать более ранний период [Secord 2010: 361]. Между тем в целом ряде читательских сообществ практики, соединяющие чтение и письмо, продолжали существовать и во второй половине XIX века, независимо от уровня достатка и наличия читательского билета публичной библиотеки. Объяснение их бытования следует искать не столько в экономических и технологических процессах, сколько в целях, которые эти практики преследовали. В этом случае мы имеем дело с «целенаправленным» чтением, отличным от экстенсивного, развлекательного. Энтони Графтон и Лиза Жардин утверждают, что именно предполагаемый результат чтения, а не текст сам по себе формирует отношения между читателем и текстом [Grafton, Jardine 1990].

Наиболее характерным примером целенаправленного обращения с книгой, соединявшего чтение и письмо во второй половине XIX века, может служить чтение с целью формирования и поддержания религиозной идентичности. Лорен Вайс описывает «взаимодействие с книгами как с продолжением религиозной веры» на примере читательского дневника Энн Гэлловей за 1850—1856 годы [Weiss 2017: 98—99]. Анализируя записи Гэлловей, она показывает осознанный поиск «поучительного» в биографиях и в художественной литературе, содержащих модели поведения для самой читательницы и для ее семьи. Вайс объясняет особенности чтения Гэлловей принадлежностью последней к евангелической церкви, предписывавшей верующим каждодневную работу над преобразованием себя [Ibid.: 106, 112]. Герой исследования Аллана Уэстфолла «Книги и религиозное благочестие: искупительное чтение ирландца в Новой Англии XIX века» Томас Коннари вступал с книгами из личной библиотеки в разнообразные отношения, включавшие не только чтение, но и создание паратекста (аннотирование, дополнение книг газетными вырезками и листами с собственными комментариями). Уэстфолл показывает, что книга была не просто участником «творческой и духовной жизни читателя», но служила основой для «глубоких отношений как с ближними, так и с Богом» [Westphall 2015: 1—21].

Схожим образом в середине XIX века работало «научное чтение», основной задачей которого было познание мира. Джэймс Сэкфорд анализирует записи Томаса Хёрста из Галифакса о чтении «Следов естественной истории творения» Роберта Чемберса (1844), включающие выписки из книги и рецензий на нее, а также фиксацию разговоров с друзьями по поводу прочитанного. Сэкфорд подчеркивает экстраординарную интенсивность чтения Хёрста, сходную

с чтением Библии: «Теперь то, что было бы всего несколькими десятилетиями раньше описано как странствие души навстречу Христу, стало поиском собственной идентичности через познание природы» [Secord 2010: 365]. Анализируя дневниковые записи, исследователь реконструирует программу саморазвития, лежавшую в основе чтения юношей «серьезной литературы». Сравнивая эти записи с отрывочными заметками о романах, историк утверждает, что «разные книги требовали разных способов чтения» [Ibid.: 367]. Между тем Элис Дженкинс подчеркивает, что современное нам представление о разделении литературы на научную и художественную появилось только в последней трети XIX века. Отсутствию границ в особенности способствовала периодическая печать, в которой рецензии на научные работы и статьи о научных открытиях печатались вместе с литературой [Jenkins 2016: 406].

В проанализированных выше типах чтения мы видим общую цель, определяющую отбор литературы и необходимость ведения записей, — интенсивную работу читателя над собой. Вместе с тем Сэкорд подчеркивает, что идея читательского дневника не была изобретена Хёрстом самостоятельно, а, вероятно, возникла как подражание старшему коллеге Джону Тиндалю. Для исследователя важна принадлежность юноши к группе молодых профессионалов из среднего класса, которые занимались самообразованием через чтение и обсуждение прочитанного в тавернах, во время работы и в местном «Обществе взаимного исправления» [Secord 2010: 365—367]. Таким образом, цель чтения, отбор литературы, необходимость и правила ведения записей о прочитанном формируются внутри сообщества, к которому принадлежит читатель.

Стэнли Фиш анализирует особенности взаимодействия читателя и текста с помощью концепции «интерпретирующего сообщества». В ее основе лежит идея, что смысл прочитанного определяется не столько текстом, сколько социальной реальностью, в которой находится читатель, его установками и ценностями, которые он разделяет с другими. Эта концепция объясняет, почему один и тот же текст может быть прочитан противоположным образом, а читатель — находиться в рамках нескольких сообществ, подчиняясь разным правилам производства смыслов [Fish 2010]. Фиш описывает сообщество как совокупность интерпретирующих стратегий, конструирующих свойства текстов. Читателям не обязательно встречаться друг с другом, чтобы ощущать принадлежность к «мы-группе» и отличие от «другого». Вместе с тем, как видно на примере исследования Сэкорда, на микроуровне можно выделить существующие в одном физическом пространстве группы читателей, разделяющих установки и нормы большого интерпретирующего сообщества, но корректирующих их в соответствии с собственными реалиями.

Настоящая статья посвящена читательскому дневнику за февраль 1875 — май 1876 года Аполлинарии Юшиной, зафиксировавшей на 115 листах опыт обращения с литературой представительницы поколения 1870-х. Поколение 1870-х я рассматриваю в качестве интерпретирующего сообщества, опираясь на историографию, анализирующую круг чтения в качестве «поколенческого критерия идентификации» [Сабурова, Эклоф 2016: 60—70]. В то же время я локализирую читательский опыт Юшиной в узких рамках сообщества радикальной молодежи Вологды, чтобы понять специфику формирования нормативных представлений о чтении. Меня интересуют правила ведения записей, целью которых было воспитание «настоящего человека» [Rubtsov 2021], в том числе их противопоставление школьным практикам.

Дочь вологодского купца Аполлинария Яковлевна Юшина¹ принадлежала к группе радикальной молодежи Вологды, объединенной стремлением уехать в столицу для получения высшего образования. Центром противоположных идей в городе, с точки зрения местных жандармов, была православная духовная семинария². В 1875 году благодаря политическому процессу ее выпускников В.М. Дьякова и А.С. Сирякова [Корольчук 1928], она стала предметом пристального внимания Петербурга.

В конце сентября 1875 года в семинарии была проведена экстренная ревизия, благодаря которой можно подробно восстановить особенности читательского сообщества радикальной молодежи губернского города. Стиль расследования ревизора С.В. Керского был описан в анонимном письме, опубликованном в 1876 году в журнале «Вперед»: «...разведывал, кто читает книги из городских библиотек, просматривал книги, в которых записываются выдаваемые в библиотеке книжки»³. Выводы ревизора были неутешительными: воспитанники семинарии не имели «ничего запретного из книг», «бесконтрольно и беспорядочно они читали все, что попадало под руку»⁴. Список неподходящей литературы в отчете был краток: «сочинения Дрепера, Прудона и т.п.» Возмутил ревизора скорее принцип чтения:

...книги серьезно-научного содержания читались мало, чтение ограничивалось почти исключительно романами и светскими журналами. Журналы «Дело» и «Знание» не составляли исключения, а, напротив, для некоторых из учеников служили самым любимым и привычным чтением. Из прочих журналов предпочтительно читались «Вестник Европы» и «Отечественные записки». Из писателей-теоретиков многими учениками предпочитались Добролюбов, Писарев, Шелгунов и Михайлов⁵.

Пытаясь понять причины развития «вредного направления» среди учеников, С.В. Керский обратил внимание на «слишком оппозиционно настроенное общественное мнение города Вологды» и его книжный ландшафт. Семинаристы могли брать книги не только в семинарской, но также в двух городских публичных библиотеках. Хотя ничего действительно противозаконного Керскому найти не удалось, он отметил «некоторые намеки на то, что в ученическую среду попадают иногда сведения о социализме и его тенденциях»⁶.

Жизнь духовной семинарии в 1875 году имела непосредственное отношение к ученицам местной женской гимназии. Существование какого-то женского кружка зафиксировано в записной книжке, предположительно принадлежавшей Марии Юшиной, младшей из сестер Аполлинарии. Документ был

1 Деятели революционного движения в России: от предшественников декабристов до падения царизма: библиографический словарь / Всесоюзное о-во политических каторжан и ссыльно-поселенцев; под ред. Феликса Кона [и др.]: В 5 т. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 4. С—Я / Сост. А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. Ст. 394.

2 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 45. I отд. 2 стол. Д. 85. Л. 3 об.

3 Из Вологды // Вперед! 1876. № 31. Ст. 226.

4 РГИА. Ф. 797. Оп. 45. I отд. 2 стол. Д. 85. Л. 45 об.

5 Там же.

6 Там же. Л. 46.

изъяты в ходе расследования дела о распространении нелегальной литературы в Вологде. Среди записей есть загадочная фраза: «Написать в этой книге много нельзя, а потому нельзя, что у меня очень могут заметить окружающие меня дамы, а которые в гимназии, да я бы им и сама показала»⁷. Книжка содержит список из семи имен, в том числе Марии и Аполлинии Юшиных, единственная мужская фамилия — Глубоковский — зачеркнута, впрочем не слишком тщательно⁸.

Семинарист Матвей Никанорович Глубоковский⁹ фигурирует в отчете С.В. Керского в незавидной роли доносчика. Он сообщил ревизору о полученном и затем сожженном анонимном письме, которым неизвестные приглашали его в кабинет для чтения публичной библиотеки Н.В. Дорохова. При встрече они обещали познакомить юношу «с предметами, которыми в настоящее время интересуются все настоящие люди», а также дать книги «бесплатно и без всякого труда»¹⁰. В это же время, осенью 1875 года, Глубоковский был главным героем дневника Аполлинии Юшиной. Позднее в письме она определила их отношения как наставничество: «...не сердитесь за то, что ученица несколько дерзко говорит со своим учителем»¹¹.

Не совсем ясно, имела ли сеть отношений, в которую были включены Юшина и Глубоковский, форму радикального кружка, известного по воспоминаниям народников, то есть с правильными собраниями, чтением рефератов и спорами о разнообразных «вопросах». Единственный эпизод, в котором описано подобие такого собрания, отмечен в дневнике 24 апреля 1876 года. Глубоковский «разбирал» стихи подруги Юшиной Анны Шатовой, посвященные «преимущественно социальным» вопросам. Семинарист нашел в сочинении девушки «однообразность, состоящую в порицании всего и в отсутствии указания на путь средства к исправлению настоящего дурного положения»¹². В переписке, которую Юшина и Глубоковский вели в конце 1876 года, когда она уже училась в Петербурге, а он — в Москве, упоминаются имена общих знакомых-вологжан. Так, Юшина полагала, что «Лёнька» слишком несерьезен, чтобы передавать книжки неким «г[осподам] оф[ицерам]»¹³.

Материалы сестер Юшиных, а также переписка Глубоковского с А. Юшиной и А. Шатовой позволяют зафиксировать существование в 1875—1876 годах в Вологде сообщества радикальной молодежи, объединявшего учениц женской гимназии и учеников духовной семинарии. Списки для чтения из дневника Юшиной в совокупности с выявленными С.В. Керским читательскими предпочтениями семинаристов дают возможность говорить о репертуаре чтения рассматриваемого сообщества. Его сопоставление с каталогом публичной библиотеки Н.В. Дорохова, упомянутой в доносе Глубоковского, позволяет выявить возможный источник легальной, но тенденциозной литературы, доступ-

7 РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 123. Л. 28 об.

8 Там же. Л. 15.

9 Деятели революционного движения в России... Вып. 1. А—Е / Сост. А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой. М.: Изд-во Всесоюзного о-ва политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. Ст. 267.

10 РГИА. Ф. 797. Оп. 45. I отд. 2 стол. Д. 85. Л. 53 об — 54.

11 РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 108. Л. 6 об.

12 Там же. Л. 140.

13 Там же. Л. 12.

ной вологодской молодежи¹⁴. В одной из дневниковых записей Юшина прямо зафиксировала, что читала газеты в библиотеке¹⁵.

Вовлечение Юшиной в радикальную среду произошло до знакомства с Глубоковским. Кроме людей из ближайшего окружения, в ее записях значимое место занимали два персонажа — «Дьяков и Вор[обьева]»¹⁶, о «желании подражать» которым она впервые написала 20 сентября 1875 года. Именно опыт Дьякова и Воробьевой моделировал для Юшиной правила ведения записей:

Ну вот я сделала выводы из прочитанных мною книг, но ведь я сознаю, что они сделаны для успокоения своей совести, а больше в них нет ничего. Они (Дьяков и Воробьева — Ю.С.) не так делали, как я, они продуманное, прочувствованное излагали на бумагу¹⁷.

К сожалению, дневник не позволяет установить, была ли Юшина лично знакома с Дьяковым и Воробьевой и их записями, или только воображала правильную манеру такого письма. С.В. Керский подозревал, что Дьяков вел переписку с одноклассниками, оставшимися в семинарии¹⁸, однако ни ему, ни Третьему отделению не удалось найти доказательств такого общения. В то же время на примере другого семинариста, выпускника Архангельской семинарии Петра Иванова, известно, что дневники чтения оставляли при отъезде на учебу в столицу следующим поколениям учащихся¹⁹. В любом случае Юшина сформулировала идеал, которому она не соответствовала: «Я не привыкла задавать себе вопросов и решать самостоятельно, не привыкла думать так, как думают настоящие (Здесь и далее выделено Юшиной. — Ю.С.) люди...»²⁰. Центральным в этой фразе является стремление к «самостоятельности», отчасти противоречащее устоявшемуся в историографии представлению о культуре «владельцев дум» — Чернышевского, Писарева, Добролюбова и т.д. — у читателей поколения 1870-х. Ниже будет показано, что Юшина сама пыталась занять место критика, а не усвоить «правильное» прочтение текстов из литературных обзоров толстых журналов.

Кроме идеала самостоятельного и аналитического чтения, записи Юшиной не содержат ясных инструкций, как именно необходимо читать, что извлекать из прочитанного и как вести записи. Вместе с тем благодаря постоянной рефлексии о нарушениях правил можно реконструировать норму, которой читательница пыталась следовать, а также ее противоположность — тип письма, который Юшина презрительно приписывала «настоящей гимназистке»²¹.

Роман Лейбов и Алексей Вдовин утверждают, что начиная с 1830-х годов в российской средней школе происходила непрерывная смена парадигм чтения, которая влияла на принципы анализа литературных произведений в уче-

14 Каталог книг и периодических изданий «Библиотеки и кабинета для чтения» Н.В. Дорохова в Вологде. Вологда, 1878.

15 РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 108. Л. 51.

16 Фамилия дается как в сокращении «Вор.», так и «Воробьев», «Воробьева». Речь идет о Е.Н. Воробьевой, слушательнице высших женских курсов при Медико-хирургической академии в 1874—1876 годах, куда стремилась попасть Юшина.

17 РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 108. Л. 53 об.

18 Из Вологды... Ст. 229.

19 РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62.

20 РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 108. Л. 53 об.

21 Там же. Л. 104а об.

нических сочинениях. Основным трендом была борьба и сосуществование риторической парадигмы, предполагавшей анализ жанровых и стилистических особенностей текста, и герменевтической, в разных вариациях требовавшей от учеников этической и эстетической интерпретации прочитанного. Во втором случае ученикам предлагалось интерпретировать поступки героев, выносить моральные суждения и применять их к собственной жизни. Лейбов и Вдовин видят корни такого подхода «в традиции социологической литературной критики — статьях Белинского, Николая Добролюбова и Николая Чернышевского» [Leibov, Vdovin 2020: 185]. В начале 1870-х годов министр просвещения Д.А. Толстой положил конец подобным экспериментам, запретив любые элементы критики в школьных сочинениях [Ibid.: 275], однако потенциально они могли оказать влияние на формирование практик чтения поколения 1870-х в той же мере, как их первоисточник — критические обзоры в толстых журналах.

Обучение в Вологодской женской гимназии, безусловно, предполагало выполнение заданий по анализу текстов, хотя мы не знаем, какой именно методике придерживались ее учителя. Аполлиария Юшина определила анти-идеал письма о прочитанном как «пример с других». Очевидно, это отсылка к гимназической практике составления сочинений по предложенным образцам²². Способность к такого рода письму она приписывала «всякой девочке»²³. Таким образом, в основе работы над записями о прочитанном лежало отрицание школьных практик. Именно оно порождало требование «решать самостоятельно», предполагавшее отсутствие любого образца.

Главным провалом Юшиной в качестве читателя-критика, по ее собственному мнению, была неспособность выдержать жанровую чистоту. В последней личной записи, сделанной 12 января 1876 года, она подвела неутешительный итог своей работе: «Тетрадь эта была назначена для записи из прочитанного мною обратилась в дневник и то глупый, непоследовательный, бессодержательный (Здесь и во всех цитатах А. Юшиной сохранена орфография и пунктуация оригинала. — Ю. С.)»²⁴. Фраза показывает, что, с точки зрения Юшиной, личный дневник нельзя было рассматривать как интеллектуальную работу «настоящего человека». Это противопоставление еще резче было обозначено в записи 25 октября 1875 года: дневник может вести только «воздушная барышня, которая пишет только для того, чтобы как-нибудь убить время». Объяснение появления личных записей девушка в первый момент нашла в тяжелом впечатлении от гражданской казни Дьякова, сообщение о которой она прочла в газете: «...эти строки написаны для того, чтобы на душе облегчилось»²⁵. Смерть и похороны бабушки, которым посвящены две последние записи, оправданием не были. Юшина указала единственную причину превращения тетради в дневник: «...я и сама-то не повысилась ни в умственном, ни в нравственном отношении»²⁶.

Первая личная запись, сделанная в тетради 20 сентября 1875 года, после шести разборов книг, была посвящена неспособности Юшиной, в отличие от

22 См., например: *Соснецкий И.* Разбор образцов русской словесности. Пособие для молодых людей, желающих поступить в студенты Московского университета. М.: Продается у книгопродавцев бр. Салаевых, 1868.

23 РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 108. Л. 53 об.

24 Там же. Л. 144 об.

25 Там же. Л. 57 об.

26 Там же. Л. 144 об.

Дьякова и Вор[обьевой], работать правильно: «Я разве обдумываю, нет, сажусь и пишу, что резко бросилось в глаза в какой-нибудь книге»²⁷. Таким образом, первоначально размышления читательницы о себе были только продолжением записей о чтении. Всего тетрадь содержит 13 личных записей, занимающих менее десятой части текста, 3 списка книг для чтения, 1 список прочитанных книг, 22 разбора книг и статей, конспекты, выписки, стихотворения.

Записи Юшиной, по-видимому, хронологически не соответствуют ее чтению. Список прочитанного за сентябрь 1875 года («Дети Света», «Подлиповцы», «Записки семинариста Хлопова» и статья Д.И. Писарева «Новый тип») не совпадает с порядком записей об этих текстах в тетради: разбор «Записок семинариста» помещен после списка, трех остальных текстов — до него. Записи о сентябрьских текстах перемежаются разборами других книг и личными размышлениями. Конечно, Юшина могла вести тетрадь наугад, открывая чистые страницы, поскольку почти все разборы начинаются с нового листа. Порядок датированных записей нарушен только в одном случае, то есть можно утверждать, что тетрадь велась относительно последовательно. Большинство разборов находятся в первой части тетради, тогда как во второй преобладают конспекты и личные записи. Таким образом, в начале работы в тетради Юшина писала только о полностью прочитанных произведениях, их чтение предшествовало письму. Позднее конспекты и выписки велись ею параллельно с чтением, а в тетрадь попали сочинение «Буря в лесу» и примеры по математике.

Из-за несовпадения чтения и ведения записей о прочитанном сложно судить, происходили ли с читательским опытом Юшиной какие-либо изменения под влиянием того или иного текста. Динамика записей — от попыток разборов к конспектам и выпискам цитат, а также повторяющаяся «критика себе» по поводу манеры письма вынуждают констатировать, что положительных сдвигов, с точки зрения читательницы, так и не произошло.

Тетрадь для записей должна была стать инструментом организации чтения. На это указывают два списка (для удобства я буду называть их список 1 и список 2) из тринадцати и четырнадцати книг, помещенных на первом листе с двух сторон²⁸. Кто рекомендовал книги, неизвестно. Рекомендательная библиография, рукописная и гектографированная, циркулировала в среде радикальной молодежи на протяжении 1870-х — начала 1880-х годов [Рейсер 1960]. Судя по небрежности записей, сделанных без указания выходных данных, а в ряде случаев — без авторов или названий, списки фиксировали локальные представления об обязательном чтении, а также имевшиеся в городе книги. Например, даже самая подробная запись — «Самодетельность женщины перев[од] Кутейникова» не содержит имени автора Джесси Баужерет. Очевидно, Юшиной надо было не искать книги, а только читать их. В списках были перечислены только легальные книги, большую часть которых можно было найти в публичной библиотеке Н.В. Дорохова.

Списки 1 и 2 частично пересекаются. В них совпадает пять названий, но не порядок их перечисления. Список 1 более «научный». Он открывается тремя работами Дрейпера «История умственного развития Европы», «Физиология человека, течение его жизни», «История гражданского развития Америки». В списке 2 Дрейпер теряет лидерство, остается только «История умственного

27 Там же. Л. 53 об.

28 Там же. Л. 39—39 об.

развития», которая опускается с первой на четвертую позицию. В списках 1 и 2, кроме книг, перечислены авторы, которых надо читать: Писарев, Шиллер, Помяловский, Добролюбов, Белинский в списке 1 и Писарев, Добролюбов в списке 2. Дневник также содержит более поздний список 3 из 16 названий²⁹. В этом случае Юшина была еще менее аккуратна, поэтому большую часть списка идентифицировать невозможно. Видимо, это журнальные статьи, из которых она отметила только первые слова заголовков. Список 3 не имеет пересечений с первым и вторым. Самое примечательное в нем — пять работ А.К. Шеллера-Михайлова, одна из которых, «Ассоциации», хотя и имела цензурное разрешение, фактически была запрещена.

«Женский вопрос», пожалуй, единственное, что объединяет списки 1 и 2 со списком 3: они содержат по две работы на эту тематику каждый. Книга, рекомендованная дважды в списках 1 и 2, — «Подчиненность женщины» Дж.С. Милля. К изучению предлагались также речь Г.Т. Бокля 1858 года «Влияние женщины на успехи знания», статья Е.О. Лихачева «Парижский конгресс по женскому вопросу», опубликованная в 1873 году в «Отечественных записках», «Самодеятельность женщины» английской писательницы Джесси Баужерет, а также текст «Развитие женщины», который не удалось идентифицировать. Ни одного из этих текстов Юшина во время ведения ею записей не прочитала. К «женскому вопросу» относится с большой натяжкой прочитанная ею в журнале «Дело» за 1871 год работа С.С. Шашкова «Главная эпоха в истории русской женщины». Таким образом, мы можем зафиксировать разрыв между желательным чтением, сформированным представлениями о способах воспитания «настоящего человека», и реальным читательским опытом, зафиксированным в дневнике.

В списке 2 подряд перечислены книги из сентябрьской записи: «Дети Света», «Подлиповцы», «Похождения семинариста Хлопова». Первая из книг вычеркнута, напротив нее стоит отметка «читала». Вероятно, именно так должен был работать список: из него постепенно должны были выбывать прочитанные книги. Хотя Юшина прочитала две другие книги, отметок о них она не сделала, как вообще не делала больше отметок в списках. Возможно, читательница больше не возвращалась к ним, иначе исправила бы ошибку в названии третьей книги: повесть В.Г. Старостина называется «Записки семинариста Хлопова». Правильное название было дважды зафиксировано ею в тетради.

Читательский дневник открывают три попытки разбора романа И.С. Тургенева «Накануне», отсутствующего в списках для чтения. Я подробно остановлюсь на них, так как именно в вариантах записей видна работа Юшиной над созданием формуляра разбора и над авторским стилем. В дневнике есть только один аналогичный случай — три варианта записи о романе С.И. Смирновой «Огонек», два из которых были вычеркнуты как неудачные. Остальные записи в дневнике содержат только пометы и зачеркивания отдельных слов.

Первый вариант разбора «Накануне» датирован 12 февраля 1875 года. На отдельном листе начат список «действующих лиц», включающий Берсенева, Шубина, Инсарова и Анну Васильевну Стахову. Читательница определила род деятельности трех героев: «студент», «ваятель», «борец за родину». Видимо, такой способ записи был признан неудачным. Под именем Стаховой прове-

29 Там же. Л. 50.

дена черта, ниже идет запись: «История Гогенштауфенов Раумеров» — книга, которую читал Берсенов в конце второй главы. Это единственное свидетельство, позволяющее предположить, что Юшина делала заметки параллельно чтению, однако список действующих лиц не соответствует порядку их появления в романе. Возможно, она выписала «Историю Гогенштауфенов», чтобы добавить затем в список своего чтения, или посчитала важным для характеристики персонажа-студента. Страница заканчивается записью: «Елена Стахова (главное действующее[е] лицо)»³⁰.

Вторая попытка написать аналитический текст была начата с чистого листа. Читательница точно знала, что она должна каким-то образом структурировать свой разбор, чтобы уйти от воспроизведения сюжетной линии. Первый вариант состоит из трех элементов: содержание, название и «взгляд на личностей». Вторая запись аналогична первой, но в ней нет комментария к названию. Для того чтобы понять, как именно Юшина пыталась работать над прочитанным, сравним два варианта характеристики «содержания»:

Повесть, написанная Тургеневым «Накануне» нравится мне по содержанию, но я нахожу в ней много идеального (мне кажется, что это я сказала так себе, с того, что не знала, что написать, оставлю до другого раза и подумаю об ней хорошенько). <...>

Прежде всего несколько слов о содержании повести: повесть по содержанию мне очень нравится (очень прибавлено мной только для того, чтобы вышло поскладнее, чем в собственном смысле, но все же содержание мне нравится). Нравится именно потому, что в ней проведена хорошая идея ~~если не ошибаюсь~~ именно стремление личностей к достижению общественного блага, личности выведены «по большей части» такие, каких можно встретить на каждом шагу в обыкновенной жизни³¹.

Первая запись фактически сводится к критике, поскольку в словаре Юшиной «идеальный» является синонимом не существующего в реальной жизни. В разборе романа «Огонек», по структуре сходном с записью о «Накануне», та же положительная характеристика «нравится» была дана, так как «лица в нем взяты прямо из жизни — не идеальные, а самые простые»³². Во второй записи о «Накануне» элемент критики смягчен, но не полностью исключен, поскольку уточнение «по большей части» указывает, что в романе все-таки фигурируют персонажи, не встречающиеся в жизни. Поскольку читательница не высказывала сомнений в реальности Инсарова, только в немногочисленности такого типа («теперь, когда на 1000 один у нас Инсаров»), по-видимому, «идеальной» для Юшиной была Елена.

Только во второй записи о «Накануне» Юшина подошла к реализации основной задачи чтения: выявить в романе «содержание» («стремление личностей к достижению общественного блага»). Именно ее она не смогла реализовать в первом варианте — «не знала, что написать». Не сохраненная во втором варианте характеристика названия позволяет увидеть непосредственную реакцию читательницы на текст: «Само название Тургенева “Накануне” дано, веро-

30 Там же. Л. 40.

31 Там же. Л. 40 об, 41.

32 Там же. Л. 85.

ятно, в том смысле, что Елена вышла за Инсарова накануне смерти его»³³. В этой фразе заключены все особенности восприятия Юшиной художественных произведений: фиксация на романтической линии, буквальное прочтение сюжета, неспособность понять подтекст. Дидактика произведения была воспринята ею наивно: «А хорошо если бы было побольше таких Инсаровых на Руси»³⁴.

Из записей Юшиной видно, что, хотя ей было рекомендовано творчество Н.А. Добролюбова, статью «Когда же придет настоящий день?», посвященную роману, она не читала. В результате ее интерпретация находится вне стандарта прочтения «Накануне», заданного критиком. Прежде всего, она не считала Елену героиней, заслуживающей уважения, или образцом «нового человека»: «Не знаю я право, почему Инсарову понравилась Елена, мне так она не особенно понравилась». Там, где Добролюбов увидел потенциал, которому не дают развиваться обстоятельства общественной жизни, Юшина замечала только слабость: «...ничего пока не делает потому, что ее никто не понукает... значит, она не имеет твердости и силы воли, чтобы без постороннего толчка приняться за дело». На читательницу не произвело впечатления объяснение Елены в любви, а финал она оценила только как «поступок любящей жены»³⁵. Чтобы понять строгие суждения о Елене, нужно сопоставить их с одной из записей «критики себе»: «...а что я сделала хорошего в свои 19 лет? Ничего не могу ответить я»³⁶.

Большая часть разбора «Накануне» посвящена «главному действующему лицу». В отличие от Добролюбова, Юшина не видела проблемы в том, что Инсаров болгарин. Основными позитивными чертами для нее были «честность», «железная сила воли», «благородная гордость», безотносительно того, что эти характеристики присущи не русскому по происхождению герою. Возможно, дело было в том, что раскрывались они для читательницы исключительно в любовной линии: менее честный человек не принял бы чувств Елены, так как это противоречило ранее сделанным им публичным заявлениям об отказе от любви. Описание Юшиной мотивов участия Инсарова в освободительном движении на Балканах («жертвовал жизнью за родину, не фальшиво, не притворно, не из тщеславия, а именно из любви к соотечественникам»³⁷) скорее подчинено рефлексии Юшиной над своим местом среди «настоящих людей». В «критике себе» Юшина писала о неискренности стремления к образованию: «...я хочу это для достижения похвалы и удивления, да еще потому что другие поехали, что мне от них отстать не охота»³⁸.

В анализируемом разборе «Накануне» видна работа читательницы над стилем. Кроме желания писать «поскладнее», в нем можно отметить характерное для всех записей переключение регистров между наивно понимаемой литературностью и «научным» взглядом на мир с соответствующим ему стилем письма. Ярче всего эта особенность проявилась в оценке судьбы Инсарова: «Ах, судьба-злодейка, она знает, кто лучше, того и подбирает, у нее губа-то не дура (конечно если только есть судьба, то есть предопределенность)»³⁹. Работа

33 Там же. Л. 40 об.

34 Там же. Л. 43 об.

35 Там же.

36 Там же. Л. 134а.

37 Там же. Л. 42.

38 Там же. Л. 104а об.

39 Там же. Л. 42 об. — 43.

над стилем также видна в двух зачеркнутых записях о романе «Огонек», начинавшихся фразой: «Прочитавши этот роман...» Первое, по-видимому, искреннее, но позднее признанное неправильным продолжение выглядело как «я заметила удивительную изворотливость ума Смирновой». Заменено оно было безликой оценкой литературного стиля: «...я удивилась тому, как мастерски Смирнова написала его»⁴⁰.

К разбору романа «Накануне» сделана приписка, свидетельствующая о недовольстве читательницы своей работой: «Много я написала и противоречу сама себе и переделаю, если будет время»⁴¹. Благое намерение, так никогда и не реализованное. К разборам других произведений также были оставлены комментарии, свидетельствующие о чувстве бессилия: «...я не могу уловить существенной мысли ни в каком серьезном сочинении»⁴². Особенно интересна в этом смысле запись к повести Тургенева «Фауст». Не удовлетворяясь простым объяснением названия, читательница попыталась оспорить авторский замысел в начале разбора: «...вовсе не Фауст, данный Вере прочитать Павлом Александр[овичем], произвел на нее такое впечатление, а сам Пав[ел] Алек[сандрович]». Характеристика «личностей», обычная для разборов, не дала ей аргументов в пользу этой точки зрения, поэтому в конце несколько раздраженно Юшина повторила ту же мысль: «Только я не понимаю, с какой стати тут дано название Фауст, как будто она его полюбила, что он ей дал читать Фауста. А впрочем, я и сама не могу додумать, для чего дано это название. Авось впоследствии узнаю»⁴³.

Последняя фраза подводит нас к основному противоречию записей Юшиной: постоянно декларируемое стремление к самостоятельности сочеталось в них со страстным желанием найти «учителя», которое только отчасти было реализовано с появлением Глубоковского. Отсутствие наставника Юшина объясняла тем, что все «настоящие люди» заняты собственным развитием и поэтому не имеют времени на особу с «модными поползновениями». В результате она описывала «самостоятельность» и как необходимое условие развития, и как результат отсутствия наставника: «Сложный мне это поступок, как приняться за дело, что первым надо сделать, разве кто научит»⁴⁴.

Какими бы наивными ни казались разборы Юшиной, ее анализ произведений Тургенева представляет собой результат сложной интеллектуальной работы именно вследствие поставленной задачи «до всего доходить, ни у кого не спрашивая»⁴⁵. Во-первых, она пыталась уйти от самого простого способа ведения записей — воспроизведения сюжетной линии. Во-вторых, в каждом случае целью был не анализ произведения с точки зрения его художественных достоинств или замысла автора, а выявление соотношения разбираемого текста с реальной жизнью. В этом случае она воспроизводила приемы, выработанные радикальной критикой предшествующего десятилетия. В непрочитанной ею статье Добролюбова была сформулирована задача, которую Юшина пыталась реализовать самостоятельно: «...толковать о явлениях самой жизни на основании литературного произведения, не навязывая, впрочем, автору никаких за-

40 Там же. Л. 83 об., 84.

41 Там же. Л. 44.

42 Там же. Л. 126б.

43 Там же. Л. 49.

44 Там же. Л. 104а.

ранее сочиненных идей и задач»⁴⁶. На языке Юшиной такой тип работы назывался «ставить вопросы», хотя она не была уверена в собственной способности к нему: «С какой стати, я не понимаю, мне мстится, что во мне рождаются какие-нибудь вопросы... Я жалка и смешна со своими мнимыми вопросами»⁴⁷.

Независимо от текста и его статуса в иерархии рекомендательной библиографии 1870-х годов, Юшина пыталась найти в каждом прочитанном произведении «идею», а поступки героев сверяла со своими представлениями об «общественном благе», к которому должен стремиться каждый «настоящий человек». Через такие линзы она читала не только произведения, составлявшие канон радикальной литературы, но любые попавшие ей в руки тексты, включая «Юлия Цезаря» Шекспира. Нормы интерпретирующего сообщества, к которому принадлежала читательница, определяли ее восприятие прочитанного.

Таким образом, анализ читательского дневника Аполлинару Юшиной позволяет существенно усложнить представление о практиках чтения поколения 1870-х. Работа «настоящего человека» над собой включала не только чтение определенного набора литературы, но и ведение записей о прочитанном. По-видимому, идеалом такого письма были тексты критиков толстых журналов, однако у самих читателей оставалось пространство для импровизации. Сложно сказать, в какой мере на выработку правил могли влиять приемы анализа текстов, усвоенные в школе, поскольку выбор методики преподавания русского языка во многом зависел от педагога. В случае Юшиной гимназический тип письма по образцу служил отрицательным примером, отталкиваясь от которого она пыталась создать собственный способ работы с прочитанным. Такое стремление к самостоятельности приводило читательницу, с одной стороны, к нежеланию опираться на авторитеты, а с другой — вызывало отчаяние, нарастающую критику своих способностей и мечту об учителе.

Важно подчеркнуть, что провал в качестве читателя-критика, зафиксированный в читательском дневнике Юшиной, не является результатом личных особенностей читательницы или недостатков полученного ею образования. Ее признание о статье Писарева: «...прочла кое-как и очень мало поняла самую суть»⁴⁸, — можно сопоставить с записью в читательском дневнике семинариста Петра Иванова о статье Шелгунова: «Это я читал наскоро и не понял почти»⁴⁹. Обе записи свидетельствуют скорее о слишком высоких требованиях, предъявляемых поколением 1870-х к программе саморазвития, чем о низком интеллектуальном уровне отдельных его представителей. Такие откровения из дневников читателей позволяют поставить под вопрос позднейшие свидетельства мемуаристов если не о чтении, то о понимании Дарвина, Лассалья, Лаврова и Бакунина [Колесникова 2005], составлявших канон чтения радикальной молодежи этого периода.

45 Там же. Л. 119 об.

46 Добролюбов Н.А. Когда же придет настоящий день?: («Накануне», повесть И.С. Тургенева). СПб.: А.С. Панафилина, 1911. С. 6.

47 РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 108. Л. 143 об.

48 Там же.

49 РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 62. Л. 78 об.

Библиография / References

- [Колесникова 2005] — Колесникова Л.А. Мемуары революционеров 1870-х годов об идейно-психологическом воздействии на них литературы // Вопросы истории. 2005. № 5. С. 96—105.
- (Kolesnikova L.A. Memuary revolyutsionerov 1870-kh godov ob ideyno-psikhologicheskom vozdeystvii na nikh literatury // Voprosy istorii. 2005. № 5. P. 96—105.)
- [Корольчук 1928] — Корольчук Э. Из истории пропаганды среди рабочих Петербурга в середине 70-х годов // Каторга и ссылка. 1928. № 1. С. 7—26.
- (Korol'chuk E. Iz istorii propagandy sredi rabochikh Peterburga v seredine 70-kh godov // Katorga i ssylka. 1928. № 1. P. 7—26.)
- [Рейсер 1960] — Рейсер С.А. Подпольная рекомендательная библиография 70—80-х годов XIX века // Советская библиография. 1960. № 1. С. 54—69.
- (Reyser S.A. Podpol'naya rekomendatel'naya bibliografiya 70—80-kh godov XIX veka // Sovetskaya bibliografiya. 1960. № 1. P. 54—69.)
- [Сабурова, Эклоф 2016] — Сабурова Т., Эклоф Б. Дружба, семья, революция. Н. Чарушин и поколение народников 1870-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
- (Saburova T., Eklof B. Druzhba, sem'ya, revolyutsiya. N. Charushin i pokolenie narodnikov 1870-kh godov. Moscow, 2016.)
- [Allan 2010] — Allan D. Commonplace Books and Reading in Georgian England. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- [Baggerman 1997] — Baggerman A. The Cultural Universe of a Dutch Child: Otto van Eck and His Literature // Eighteenth-Century Studies. 1997. Vol. 31. № 1. P. 129—134.
- [Darnton 2009] — Darnton R. The Case for Books. Past, Present and Future. New York: Public Affairs, 2009.
- [Fish 2010] — Fish S. What Makes an Interpretation Acceptable? // History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition / Ed. by B. Gunzenhauser. London: Pickering & Chatto, 2010. P. 99—108.
- [Jackson 2001] — Jackson H.J. Marginalia: Readers Writing in Books. Yale University Press, New Haven & London, 2001.
- [Grafton, Jardine 1990] — Jardine L., Grafton A. "Studied for Action": How Gabriel Harvey Read His Livy // Past & Present. 1990. № 129. P. 30—78.
- [Jenkins 2016] — Jenkins A. Beyond two cultures. Science, Literature, and Disciplinary Boundaries // The Oxford Textbook of Victorian Literature Culture / Ed. by J. John. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- [Leibov, Vdovin 2020] — Leibov R., Vdovin A. What and How Russian Students Read in Schools, 1840—1917 // Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia / Ed. by D. Rebecchini, R. Vassena. Vol. 2. Milan: Ledizioni Ledi Publishing, 2020.
- [Rubtsov 2021] — Rubtsov A. La construction du sujet politique dans l'Empire Russe des années 1870: le journal personnel d'Apollinarija Jušina // Revue des études slaves. 2021. № XCII-1. P. 57—69.
- [Secord 2010] — Secord J. Self-development // Reading History: New Methodologies from the Anglo-American Tradition / Ed. by B. Gunzenhauser. London: Pickering & Chatto, 2010. P. 361—373.
- [Weiss 2017] — Weiss L.J. 'All Are Instructive if Read in a Right Spirit': Reading, Religion, and Instruction in a Victorian Reading Diary // Library & Information History. 2017. Vol. 33. № 2. P. 97—122.
- [Westphall 2015] — Westphall A.F. Books and religious devotion: The Redemptive Reading of an Irishman in Nineteenth-century New England. University Park, Pennsylvania: Penn State University Press, 2015.